

Замес. правда - 1993 - 9.01.93

Вечен русский пируэт

Барьерчик был невысок, но поди перепрыгни. В конце пятидесятых Рудольф Нуриев совершил тот прыжок первым из всех наших. Его Кировский улетал из Парижа, а юный Рудик по-балетному легко перемахнул через ограждение на аэродроме Бурже — и был таков. На Западе идеологически выдержанно и страшно радостно писали: «Он выбрал свободу». Советские газеты и ЦК ошарашенно молчали — такого раньше не случалось. Зато потом ошестинились и, как из одного ствола, выстрелили: «Предатель!»

Он же, как мне кажется, выбрал не свободу — свободный балет. Ни об одном русском балетном, кроме незабвенного Вацлава Нижинского, не писали столько, сколько о нем. И постепенно слащавое изумление отчаянной смелостью сменялось искренним восхищением его искусством. Он мотался по свету, учась и танцуя. «Баллетизм» в Америке, лондонский «Ковент-Гарден», «Опера де Пари» и даже Копенгаген не выдвигали такого прилежного ученика. Однако какого ж капризного! Или требовательного? Все то, что приходилось, сжав зубы, терпеть дома, он выдавал теперь здесь, на Западе. Рудольф был идиолом, но и деспотом, чьего гнева страшились балетмейстеры и звезды. В балетной труппе «Опера де Пари», которой Нуриев долгие годы правил железнейшей рукою, был лишь один Бог и хозяин — он сам, творивший и ставивший балеты исключительно по-нуриевски. И даже все-французская любимица Сильви Гийом была вынуждена срочно покинуть родной театр и искать балетное убежище в Лондоне, ибо так пожелалось Нуриеву. Артисты роптали, но терпели. Потому что сомнений не оставалось даже у откровенно не любивших Нуриева: именно он — лучший танцовщик мира. А в беседе со мною великий французский балетмейстер Ролан Пети корректно не согласился с утверждением: не мира, а XX века.

Я не раз и не два видел Нуриева с расстояния в несколько шагов, а подойти, взять интервью как-то стеснялся. Сдерживала его экстравагантность: он и одет был всегда необычайнейше — какие-то шапочки, накидки в немыслимых тонах. Да и окружен был вечно такой же пестрой толпой молодых ребят, среди которых я чувствовал себя совсем не своим.

Настораживало меня, несколько закомплексованного сына

балетного критика и либреттиста, и другое. Ведь мы-то точно знали, что советский балет есть, был и будет сильнейшим на планете, а воспитанник Вагановского училища Рудик Нуриев утверждал, будто русская школа страдает теперь узостью и бедностью, отсутствием свободного мышления. И еще Нуриев обвинял наших звезд в высокомерии. Теперь, годы спустя, кажется: оттуда, из Парижа, Нуриеву виделось никак не хуже, чем нам из Москвы или Питера.

Для постановки своего последнего балета Нуриев, неужели случайно, выбрал именно «Баядеру» — ту самую версию, которую он бесценно юный танцевал на сцене Кировского. Весь Париж во главе с мэром плюс Сильви Гийом и Юрий Григорович приехали 9 октября на заключительную его премьеру.

Вместе с русским журналистом Виктором Игнатовым мы все же договорились об интервью. В роскошной квартире на набережной Вольтера Рудольф Нуриев пообещал ответить на все три переданные страницы вопросов «Комсомольской правды». Но только после отдыха в Италии, на своем любимом острове. «Мне нужно солнце, много солнца», — повторял словно заклинание.

Недавно он вернулся в Париж, однако даже итальянское солнце было бессильно бороться с болезнью века. Он ослаб, тяжело перенес операцию... Нуриев ушел в 54 года.

Он умер в Париже, оставшись для всех великим русским.

Н. ДОЛГОПОЛОВ.